

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 130.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-39-44

Дата поступления: 07.07.2023
рецензирования: 30.08.2023
принятия: 15.09.2023

Г. Шольц
Рурский университет,
г. Бохум, Германия
E-mail: Gunter.Scholtz@rub.de

Лирическая поэзия в информационном обществе

Аннотация: поэзия, кажется, стала неким инородным телом в современном обществе, поскольку не включает в себе того, что называют информацией. В то время как информация передает фактические истины, поэзия способна формулировать истины другого порядка: если непрерывный поток информации приводит человека в состояние постоянного напряжения и эмоциональной нестабильности, то поэзия способна создать равновесие. По мере распространения информационного общества по всему миру, наряду с новыми формами деятельности, появляются и новые формы культуры, рэп является одной из них. Подобно тому, как в информационном обществе обнаруживаются и возможности, и опасности, эта новая форма поэзии получает в эстетической, этической и социологической перспективах совершенно разные оценки. Это неудивительно, ведь существуют как вполне обыденные, так и художественные формы рэпа.

Ключевые слова: информационное общество; рэп; культура.

Цитирование: Шольц Г. Лирическая поэзия в информационном обществе // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 3. С. 39–44. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-39-44>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шольц Г., 2023 – почетный профессор Рурского университета, GA 3/132, 44801, Германия, Бохум, Университетская улица, д. 150.

© Перевод Нестеров А.Ю., 2023 – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Перевод Нестерюк Ю.В., 2023 – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

G. Scholtz
Ruhr Universität,
Bochum, Germany
E-mail: Gunter.Scholtz@rub.de

Lyric poetry in the information society

Abstract: poetry seems to have become a kind of a foreign body in the modern society because it does not contain what we call information. But while information conveys actual truth, poetry can articulate the other one: while the permanent flood of information puts people into constant tension and emotional unrest, poetry can provide counterbalance. With the information society spreading worldwide, new forms of culture have emerged alongside with new forms of work, and rap is one of them. Just as one recognizes both opportunities and dangers in the information society, this new form of poetry is also judged aesthetically, ethically and sociologically in very different ways. This is not surprising, since there are very ordinary as well as artistic forms of rap.

Key words: information society; rap; culture.

Citation: Scholtz, G. (2023), Lyric poetry in the information society, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 39–44, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-39-44>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Scholtz G., 2023 – Emeritus Professor, Ruhr Universitaet Bochum, GA 3/132, 150, Universitätsstraße, Bochum, 44801, Germany.

© Translation Nesterov A.Yu., 2023 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Translation Nesteryuk Yu.V., 2023 – Candidate degree in Philology, Associate Professor, Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Если мы в рамках одного контекста услышим два понятия, «поэзия» и «информация», то для нашего слуха они создадут определенный диссонанс. И этот диссонанс не будет чем-то само собой разумеющимся, так было не всегда. До XVIII века термин *informatio* использовался, например, и в педагогике и понимался как формирование духа посредством наставления и поучения. Поскольку стихи часто содержали нравоучения, они могли также передавать и информацию. Однако до XX века под «информацией» понимают, прежде всего, указание, инструкцию в отношении определенных правовых случаев.

Существенные изменения характера лирической поэзии начинают происходить в XVIII веке. Она служила выражению субъективности, очень личных эмоциональных переживаний, выражению мыслей, а её язык избегал любых банальностей. В 1957 г. вышла в свет работа Теодора Адорно «*О поэзии и обществе*» (Adorno 1958), в которой он ясно это показал. Адорно исходит из того, что лирическая поэзия и общество не имеют ничего общего друг с другом и что мы не должны думать, что можем правильно интерпретировать лирические произведения с помощью социологического мышления. Он объясняет эту субъективизацию поэзии, которая больше не содержит моральных нравоучений, как уход от общества, воспринимаемого в качестве чего-то угрожающего, порождающего отчуждение. Поэзия выбирает и формирует такой язык, который не несет в себе следов общества. По мнению Адорно, именно благодаря уходу от общества, разрыву с ним, общество присутствует в лирической поэзии.

Изменение значения понятия «информация» произошло только во второй половине XX века. В 60-е гг. в крупных справочниках мы могли прочесть первые статьи о теории информации как новой важной форме исчисления вероятностей, и вскоре появляется всё больше и больше информации об этой теории информации. С быстрым развитием систем коммуникации она приобретает большое значение почти во всех областях жизни общества, особенно в экономике, торговле, управлении, армии, а вскоре и во всех естественных науках. Теория информации и информационные системы стали инструментами, ускорившими процесс рационализации общества, который Макс Вебер подробно описал ещё 100 лет назад. «Знание есть сила», – учил Фрэнсис Бэкон еще в XVII веке, и поэтому обладание информацией становится расширением и усилением власти, что можно также представить и в виде увеличения капитала. Концепция информации приобрела научный и технологический характер и стала оказывать всё большее влияние на общество. В этом контексте лирическая поэзия, кажется, стала своего рода

инородным телом, которое не вписывается в современный мир. Следует немного разъяснить эту ситуацию, при этом я буду использовать термин «информация» так, как мы используем его сегодня в нашей повседневной жизни.

Поэзия и информация

Мы ожидаем информации от новостных служб, от радио, телевидения, газет и т. д., т.е. от так называемых средств массовой информации. В то же время, конечно, и наш сосед может нас проинформировать о том, что он, например, случайно повредил ограду нашего сада. Хотя в век информации справочники заменены компьютерами, кто-то в поисках информации всё ещё может взять в руки энциклопедию, но это точно будет не книга стихов. В качестве забавного примера этого комического контраста можно привести слова из сочинения школьника, если бы он написал на уроке литературы: «У Гёте доктор Фауст во время своей прогулки в день Пасхи информирует нас о том, что весной большие и малые реки не замерзают из-за более высоких температур». С фактической точки зрения ученик был бы совершенно прав, ибо у Гёте мы читаем: «Освобождаются ото льда ручьи и речушки, от весеннего живительного взгляда». И попытка свести слова поэзии к фактической информации приводят к возникновению комизма.

Но и для лингвиста, и для теоретика информации лирическая поэзия, конечно, может стать объектом анализа, поскольку в ней он найдет всё то, что составляет символическую коммуникацию. Есть отправитель, есть сигнал и канал информации, язык, передаваемый на носителе, на бумаге или через Интернет на мониторе, а у получателя есть код поэзии, с помощью которого он может её декодировать, т.е. понять. Но если предположить, что поэтическое произведение будет анализироваться исключительно с помощью терминологии информатики, то, скорее всего, в результате анализа мы обнаружим такой же комичный контраст, как и в сочинении школьника, о котором было сказано выше.

Поскольку я не являюсь теоретиком информации, в качестве объяснения я могу привести лишь несколько утверждений. Как правило, информация нова для получателя, однако новизна стихотворения не определяет ту его ценность, которую оно имеет для меня. Стихотворения, которые я знаю, я перечитываю по несколько раз и даже заучиваю наизусть.

Ценность информации определяется общим событием, в рамках которого она становится доступна для получателя. Да, он уже примерно должен знать, какие способы выражения использует отправитель, который может быть и автором, и машиной. Иначе дело обстоит при чтении поэзии. Здесь читатель, которого нам теперь, к сожалению,

нию, следует называть получателем, сталкивается с очень необычными и непривычными способами выражения, которые озадачивают его, но часто именно по этой причине и завораживают. После прочтения можно немного познакомиться с языком и поэтическим стилем автора, но несомненно то, что все загадки не будут полностью раскрыты и очарование не исчезнет полностью.

Говорят, что информация обычно снижает неопределенность. И, действительно, информация о погоде, например, снижает наш уровень неопределенности, потому что из многих возможностей – мороз, жара, дождь, отсутствие дождя, снег – она оставляет только одну. Но сокращает ли лирическая поэзия неопределенность или еще больше увеличивает ее, вопрос сложный. Уже по одной этой причине она не относится к сфере информации. Однако поэзия может снизить неопределенность посредством того, что она ограждает читателя, хотя бы на время, от бесконечного потока информации в СМИ.

Положение о том, что информация важна для совершения правильных действий, подтверждается на примере прогноза погоды, поскольку человек узнает, нужен ли ему зонт или ему вообще следует остаться дома. Поэзия, однако, в лучшем случае может побудить человека прочесть еще одно стихотворение или поискать некоторую информации об его авторе и о контексте, побудившем автора к написанию этого стихотворения. Если мы не принимаем во внимание моральную и политическую поэзию, то можем констатировать, что лирическая поэзия не служит мотивацией к действию.

Информацию можно подвергнуть копированию, она не знает оригинала. Независимо от того, на каком языке и каким путем распространилась экономическая или политическая информация, она должна оставаться неизменной. Эта идентичность и есть ее суть. В противном случае то, что мы называем глобализацией, никогда бы не возникло. То, что информация теперь может передаваться через весь мир со скоростью света, является большим техническим достижением. (Наше недоверие к правдивости некоторых сведений не замедляет этот поток. Это могут сделать, пожалуй, лишь вмешательства в систему.) Движение поэзии не выдерживает таких скоростей, хотя и она движется по миру с помощью Интернета. Ее носители также взаимозаменяемы, ведь поэзия может быть устной или письменной, а тексты могут быть скопированы и размножены посредством копирования. Но прозвучать на множестве языков мира, с чем с легкостью справляется актуальная информация, поэзии не под силу. Индивидуальный язык является частью её сущности. Она не может обойтись без звучания слов, рифмы, ритма и порядка слов. А все переводы являются лишь попыткой приближения к оригиналу. Поэтому если кто-то

действительно хочет посетить госпожу Поэзию, он должен сам отправиться к ней. Нельзя ожидать, что она придет в иноязычной карете. Если выучить ее язык, она открыта для всех желающих и готова их принять, она не заключена в тот или иной круг носителей языка.

Для перевода денежных средств из одной валюты в другую существуют правила, в соответствии с которыми деньги сохраняют свою идентичность. Точно так же для обмена языками сейчас существуют прекрасные машины-переводчики. Но если ввести в такую машину лирическое произведение, она в большинстве случаев скомпрометирует себя. Лирическая поэзия до сих пор успешно сопротивляется тому, чтобы быть полностью переваренной машиной (хотя компьютерная лингвистика быстро прогрессирует). Сохраняя свою индивидуальную идентичность, она защищает себя от растворения в общем, легко переводимом языке, который может быть создан только для конкретных областей, таких как наука, техника, экономика, политика, международное право и т.д.

Благодаря своему индивидуальному языковому одеянию поэзия не играет особой роли на мировом рынке. Произведения музыки и живописи также индивидуальны, как стихотворения. Но картины приобретаются в качестве денежных инвестиций, а музыкальные произведения записываются на пластинки и распространяются посредством Интернета, и также могут приносить большие деньги как товары массового производства. Благодаря поэзии никому не удалось разбогатеть при жизни. Музыка и живопись не нуждаются в переводе, в то время как поэзия сложно, а порой невозможно перевести. Но это означает, что поэзия – лишь вершина более общей проблемы, которая относится и к другим языковым произведениям, так как все нормальные языки имеют свой индивидуальный характер.

Индивидуальность лирических произведений обуславливает значимость оригинального текста. Редакторы и издательства ставят на карту свою репутацию, если изменяют тексты, переданные автором для печати. В сфере политики, напротив, под запретом находится искажение только предметной информации (хотя даже в этой сфере языковая форма и стиль могут иметь определенное значение).

В случае информации речь идет об истине, так, например, говорят, что нечто истинно, а нечто ложно. Если, например, информация о том, что поезд в Гамбург отправляется в 22 часа, ложна, то человек окажется одиноко стоящим на темной холодной платформе ночью. Поэтому мы всегда склоняемся к тому, чтобы считать информацию достоверной, иначе жизнь становится слишком сложной, и тогда информация не сокращает неопределенность, а, напротив, увеличивает её. А как

быть с лирической поэзией, если она не содержит никакой информации? Неужели в ней нет ни истины, ни содержания?

Я довольствуюсь позицией здравого смысла, заключающейся в том, что есть несколько концепций истины. Информация есть то, что в философии называется «фактической истиной». От искусства, однако, можно требовать истины только в смысле достоверности, аутентичности, искренности, подлинности и честности, и её трудно доказать. Даже тот, кто владеет языком и кодом искусства, не в состоянии его полностью декодировать, раскрыть так, чтобы его содержание предстало перед нами в обнаженном виде. Ни одна интерпретация значимого стихотворения не может претендовать на то, чтобы с её помощью было передано и высказано всё.

Информационное общество, лирика и рэп

Информационное общество как общество знания перестроило социальный мир, но оно включает в себя гораздо больше, нежели увеличение объёма знаний и их распространение. По сути это коммуникативное общество. Его характеризует не только обмен точной информацией, но и возможность оцифровать, сохранить и распространить по всему миру всё, что можно увидеть и услышать. Таким образом этому обществу свойственно эксплицитное стремление отнюдь не к истинности, но лишь к скорости и неограниченности коммуникации.

Подобно тому, как изобретение печатного станка в начале современной эпохи направило культуру и общество в новое русло, сейчас это делают новые электронные средства коммуникации. Поэтому многие университеты уже на протяжении нескольких десятилетий основывают институты изучения средств массовой информации. Для Шарля Баттё, который первым создал системы изящных искусств в середине XVIII века, опера была высшей формой искусства, поскольку она объединяет все остальные искусства в единое целое: музыку, поэзию, танец, театр и живопись. И это объединение звука, картинки, музыки в XX веке имеет место практически в каждом фильме. В XVIII и XIX вв. опера была доступна только аристократии и богатой буржуазии, а кино посещают широкие массы. Поскольку оно в равной степени привлекает внимание зрителей на уровне глаз, ушей и задействует их воображение, оно обладает большей притягательной силой, чем язык. Языковые произведения искусства утрачивают свое высокое положение, люди читают все меньше, и книжная торговля начинает сокращаться.

С конца XIX века все очевиднее становится разрыв между высокой культурой и массовой культурой. Особенно четко этот разрыв прослеживается в музыке. Авангард, с одной стороны, больше не

следовал традиционному учению о гармонии и развивал совершенно новые формы звучания, от школы Шёнберга до электронной музыки. С другой стороны, посредством радио и телевидения широкое распространение получало огромное разнообразие популярной музыки, поп-музыки. Похожий разрыв происходит и в поэзии. В немецком языковом пространстве поэзия Пауля Целана была непонятна уже его коллегам-поэтам. В условиях рационализованного общества появляются загадочные языковые произведения, которые Умберто Эко называет «открытыми произведениями искусства», произведениями, которые требуют от зрителя или читателя активной работы воображения и нуждаются в этой работе. Кроме того, появились совершенно новые популярные противоречивые формы, об этом чуть позже.

Цифровая коммуникация не изменила произведения искусства, написанные на литературном языке. Однако ввиду доминирования изображения и звука необходимо заново их переосмысливать. Именно поэтому литературовед Д. Франк опубликовала эссе «*Нужны ли еще стихотворения в цифровую эпоху?*» (Franck 2017). Я позволю себе привести несколько цитат: «Каждый век имеет свои недостатки. Недостатком нашего времени является преобладание цифровых технологий. Цифровое <...> есть воспроизводимое, упрощенное, ноль и единица». По мнению автора, повседневный язык стандартизирован и непродуктивен. Чтобы язык оставался живым, ему нужна поэзия, чтобы обновлять и совершенствовать его. Но поэзия нужна и нам. «Стихи создают <...> свободные пространства. Было бы неправильно видеть особую природу поэзии только в ее форме. В поэзии говорится и может быть сказано больше, чем в прозе. Поэзия сохраняет открытость для любой темы. Она менее подвержена идеологической цензуре интеллектуального духа времени, нежели специальная техническая проза». «Стихи – это кислород для языка и для нашего духовного существования. Кроме того, некоторые стихотворения вводят нас в такой режим бытия, который недоступен нам посредством когнитивных представлений». Чтение поэзии позволяет нам достичь состояния счастья. «Это состояние, которое оставляет всё таким, каковым оно является, и в то же время преобразует всё». Адам Загаевский называет поэзию «*мистицизмом для начинающих*». На мгновение мы испытываем частичное исчезновение отчуждения. Без какого-либо догматического основания или метафизического обоснования мы на мгновение оказываемся в ощущаемом нами более широком контексте. «Лирическая поэзия ведет нас к опыту, который можно назвать «созерцательным единением субъекта с миром, заключенным в языке»». «Замедление времени, отвлекающее нас от настоящего, на короткое время исчезает, и мы получаем

пространство для восприятия наших собственных внутренних переживаний». Читатель приходит к самому себе. Он освобождается «от стойкого желания отвлечься и развлечься и нигилизма неразборчивости».

Высказывания литературоведа Д. Франк обретают смысл, если взять в руки книги, описывающие ситуацию в информационном обществе. Они имеют такие названия, как «*Мир в одурманивающем потоке данных*» и «*Великое раздражение*» и указывают на перманентную коллективную возбужденность всех жителей Земли, поскольку не проходит и часа без новостей (Pörksen 2018, S. 7; Ternès 2018; Fleischhack 2016). По этому поводу любят цитировать канадского теоретика коммуникации Маршалла Маклюэна, который ещё в 1964 году писал, что подобно тому, как нервная система соединяет всё в нашем организме, так вскоре и все люди на земном шаре вскоре будут объединены системами связи. Чтобы суметь избавиться от стресса, вызванного постоянным поступлением информации, нам рекомендуется хотя бы на время откладывать в сторону свои гаджеты.

Если традиционные формы поэзии не изменились, то работа в области литературоведения претерпела изменения, поскольку появились новые инструменты для проведения исследований. Оцифровка текстов позволяет проводить статистический анализ авторского языка и существенно облегчает определение значения слов путем сравнения, она способствует объяснению контекста и исследованию восприятия произведения. Всё больше и больше рукописных оригиналов известных произведений публикуется в Интернете, так что каждый интерпретатор при желании может учесть оригинальную письменную форму текста и сравнить ее с печатными версиями. Однако в какой степени филологическая работа с компьютером служит читательской аудитории и приближает её к поэзии – это совсем другой вопрос.

Последствия цифровой коммуникации для общей культуры, читаем мы, таят в себе возможности и опасности, преимущества и недостатки. Среди желательных последствий – появление новых форм культуры, преодолевающих социальные барьеры, не привязанных к какой-то определенной среде. Среди опасностей – вероятность того, что сложившиеся традиции будут вытеснены широким предложением тривиального развлекательного искусства. Для рэпа, вероятно, верно и то, и другое. Актуальная книга 2015 года начинается фразой: «Рэп, пожалуй, самая популярная и влиятельная лирическая форма нашего времени» (Wolbring 2015, S. 11). Я оставлю в стороне рассмотрение отношения рэпа к поп-музыке и хип-хопу и просто напомним основные черты новой культурной формы. Рэп есть объединение языка, музыки и представления-инсценировки, которое получает

распространение по всему миру посредством Интернета, прежде всего, с помощью стриминга. Музыка и слово объединяются в быстрый речитатив, сопровождаемый обычно монотонным ритмом и – при трансляции в видеоформате – быстро меняющимся потоком изображений. В этом потоке центральным является речевое послание, которое не всегда легко уловить, поэтому в видеотрансляции текст часто отображается в письменном виде на экране. Выступления рэперов всегда обладают сильной притягательностью для слуха и глаза, а также для воображения, и, как говорят, они особенно популярны среди представителей молодежи мужского пола. Рэп происходит из низших слоев общества и является формой субкультуры сегодня, возможно, даже доминирующей; более того, в силу ряда причин его можно назвать контркультурой.

Традиционная поэзия оттачивает свой язык и избегает слишком употребительных выражений и оборотов, используемых в повседневной жизни. Рэп же, напротив, часто намеренно использует грубый повседневный язык малообразованных людей или даже преступников. Его язык иногда откровенно вульгарен, а также нарушает моральные и политические табу. Литературный аспект заключается в ритме и рифмах. Хотя рэп изначально фиксируется в письменном виде, он всегда представляется устно именно во время выступлений, при этом, вероятно, оставляя определенный простор для импровизации, лишь много позже тексты иногда появляются в печати.

В то время как в высоком языке поэзии не следует слишком торопиться с тем, чтобы распознать в стихотворении, в так называемом «лирическом «Я»», личность автора, рэп является очень решительной формой самопрезентации автора, который сам и исполняет свой текст. Рэпер не оставляет сомнений в том, что сейчас говорит он и только он. Он прямо и без моральной цензуры говорит о своих собственных потребностях, чувствах и проблемах: любовь и ненависть, зависть и презрение, страх и отчаяние, жадность к деньгам и наркозависимость.

Если, согласно Адорно, в лирической поэзии общество присутствует лишь как скрытый фон, то в рэпе оно становится прямым объектом нападок, потому что рэп был и остается, прежде всего, формой выражения тех, кто чувствует себя отверженным и угнетенным в обществе, и тематизирует это положение вещей. Если, как уже говорилось выше, благодаря лирической поэзии удаётся достичь гармоничного состояния, то в рэпе человек нередко сталкивается с обществом, где царят острые конфликты, погружается в общество, где доминируют насилие, секс и преступность. Однако рэп может выражать это и в ироничной форме.

О рэпе написано значительное количество на-

учной литературы, в рамках самых разных дисциплин и по разным мотивам. Он вызывает эстетический, моральный и социологический интерес. То, что писал Адорно в своем полемическом анализе джаза (Adorno 1955), должно быть применимо и к рэпу: Как и всякая мода, он является частью буржуазной коммерции. Его якобы первобытная экспрессивность в большинстве случаев тщательно отрепетирована, записана и распространена с техническим изяществом. Идеально приспособленные к этому обществу, рэперы могут стать несметно богатыми, если им повезет. Аналогично тому, как в период позднего модерна люди стремились к индивидуальной самореализации, рэперы борются только за себя, за имущество, превосходство, признание и престиж. Поскольку некоторые рэперы сознательно пренебрегают всеми моральными нормами, рэп-моду также обвиняют в ожесточении и одичании молодых людей. «Культура субъекта позднего модерна», – пишет один социолог, – «это в определенном смысле радикально эмоционализирующая культура» (Reckwitz 2019, S. 205). Успех рэпа подтверждает этот диагноз.

В научной литературе, однако, есть предостережение о том, что в целом рэп следует рассматривать исключительно как малоценное достояние культуры, поскольку существует множество вариаций и различий в уровне как музыкальном, так и поэтическом. Профессор права объяснил параграф из юридического кодекса в шуточной форме с помощью рэпа (§ 823 Rap, Prof. Berger, Uni Köln 2010). Один литературовед рассматривает рэп-тексты с позиций программы поэта-романтика и литератора Фридриха Шлегеля: рэп также обращается ко всем сферам жизни, объединяет размышление и поэзию, гениальность и критику, смешивает поэзию и прозу, освобождает поэзию от изоляции и привносит ее в повседневную жизнь. Таким образом, рэп делает общество и жизнь с позиций романтизма поэтическими, и рэп соответствует идее «прогрессивной универсальной поэзии», как того и требовал Шлегель (Peters 2002). Если это верно, то рэп станет шагом от «социального государства» к соответствующему ожиданиям и надеждам «культурному обществу», в котором каждый сможет быть продуктивным с культурной точки зрения (Goehler 2006; Baier 2012; Busch, Süß 2021).

Заключение

Культурологи иногда подчеркивают ещё одну особенность информационного общества: граница между высокой культурой и субкультурой, а значит, и между различными слоями общества, размывается. Если для Адорно массовая культура была продуктом обмана, который, как идеологическая завеса, скрывал недостатки общества, то теперь «массы» перестали быть сдерживающим

явлением для интеллигенции и представителей высокой культуры, сама же массовая культура отнюдь не вызывает презрения. Сегодня известные исполнители классических произведений иногда играют и музыку из фильмов, и произведения поп-музыки. Один очень успешный представитель направления поп-музыки даже был удостоен Нобелевской премии по литературе в 2016 году за тексты своих песен. Смею усомниться в том, что рэп расширяет возможности языка и действительно поэтизирует общество. Я просто уверен в следующем: технические достижения информационного общества имеют светлые и темные стороны, в том числе и для культуры.

References

- § 823 Rap, Prof. Berger, Uni Köln (2010), [Online], available at: <http://https://www.youtube.com/watch?v=d4KS5vKLNmg> (Accessed 7 Sept 2023).
- Adorno, T.W. (1955), *Zeitlose Mode. Zum Jazz, Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft, Frankfurt/Main*, pp. 118–132.
- Adorno, T.W. (1958), *Rede über Lyrik und Gesellschaft, Noten zur Literatur I, Frankfurt/Main*, pp. 73–104.
- Baier, A. (2012), „*ich muss meinen Namen in den Himmel schreiben*“. *Narration und Selbstkonstitution im deutschsprachigen Rap*, Tübingen.
- Busch, Nicolai, Heidi, Süß (Hrsg.) (2021), *Rap. Politisch. Rechts? Ästhetische Konservatismen im Deutschrap*, Weinheim, Basel.
- Fleischhack, J. (2016), *Eine Welt im Datenrausch*, Zürich.
- Franck, D. (2017), *Brauchen wir noch Lyrik im digitalen Zeitalter? Lettre International 116*, Berlin Frühjahr.
- Goehler, A. (2006), *Verflüssigungen. Wege und Umwege vom Sozialstaat zur Kulturgesellschaft*, Frankfurt/Main.
- Peters, S. (2002), *Romantische Lyrik und Rap-Texte als Ausdruck „progressiver Universalpoesie“ (F. Schlegel)*, Siegen.
- Pörksen, B. (2018), *Die große Gereiztheit. Wege aus der kollektiven Erregung*, München.
- Reckwitz, A. (2019), *Das Ende der Illusionen. Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne*, Frankfurt/Main.
- Ternès, A. (2018), *Die Digitalisierung frisst ihre User. Der digitale Wahnsinn und wie Sie ihn beherrschen können*, Wiesbaden.
- Wolbring, F. (2015), *Die Poetik des deutschsprachigen Rap*, Göttingen.

Submitted: 07.07.2023

Revised: 30.08.2023

Accepted: 15.09.2023